

Y salían en ciertas épocas a cazar enemigos; le llamaban la guerra florida.

A mitad del largo zaguán del hotel pensó que debía ser tarde, y se apuró a salir ala calle y sacar la motocicleta del rincón donde el portero de al lado le permitía guardarla.

En la joyería de la esquina vio que eran las nueve menos diez; llegaría con tiempo sobrado adonde iba.

El sol se filtraba entre los altos edificios del centro, y - porque para sí mismo, para ir pensando, no tenía nombre - montó en la máquina saboreando el paseo.

La moto ronroneaba entre sus piernas, y un viento fresco le chicoteaba los pantalones.

Dejó pasar los ministerios (el rosa, el blanco) y la serie de comercios con brillantes vitrinas de la calle central.

Ahora entraba en la parte más agradable del

И наступало время, когда выходили они выслеживать врагов; это называлось у них священной войной.

Дойдя до середины гостиничного холла, он подумал, что, должно быть, уже поздно, торопливо вышел на улицу и вывел мотоцикл из укромного уголка, куда портье из соседнего дома позволил его поставить.

Часы на ювелирном магазине на углу показывали без десяти девять; времени, чтобы добраться до места, у него было с избытком.

Солнце просачивалось между высокими зданиями городского центра, и он - ведь, думая, он не называл себя по имени - оседлал машину, предвкушая прогулку.

Мотоцикл под ним взревел, и края брюк вздулись от свежего ветра.

Проехав по Центральной улице, он миновал здания министерств (розовое и белое) и линию магазинов со сверкающими витринами.

Теперь начиналась самая приятная часть пути,

trayecto, el verdadero paseo: una calle larga, bordeada de árboles, con poco tráfico y amplias villas que dejaban venir los jardines hasta las aceras, apenas demarcadas por setos bajos.

Quizá algo distraído, pero corriendo sobre la derecha como correspondía, se dejó llevar por la tersura, por la leve crispación de ese día apenas empezado.

Tal vez su involuntario relajamiento le impidió prevenir el accidente.

Cuando vio que la mujer parada en la esquina se lanzaba a la calzada a pesar de las luces verdes, ya era tarde para las soluciones fáciles.

Frenó con el pie y la mano, desviándose a la izquierda; oyó el grito de la mujer, y junto con el choque perdió la visión.

Fue como dormirse de golpe.

Volvió bruscamente del desmayo. Cuatro o cinco

настоящая аллея: длинная улица, обсаженная деревьями, движения почти никакого, просторные виллы по обеим сторонам в окружении садов, подступавших к самым тротуарам и едва отделенных от них низкими изгородями.

Он ехал, как и полагалось, по правой стороне, но, возможно, был слегка рассеян и позволил себе залюбоваться сверканием, легким трепетом занимающегося дня.

Вероятно, невольная расслабленность помешала ему избежать катастрофы.

Он увидел, как на углу остановилась женщина и вдруг кинулась ему наперерез, несмотря на красный свет, но было уже поздно что-либо предпринять.

Он нажал на ручной тормоз, стал тормозить ногой, вывернул налево; и вслед за тем услышал крик женщины, почувствовал удар и тут же лишился зрения.

Будто внезапно уснул.

Очнулся он сразу. Четверо или пятеро молодых

hombres jóvenes lo estaban sacando de debajo de la moto

Sentía gusto a sal y sangre, le dolía una rodilla, y cuando lo alzaron gritó, porque no podía soportar la presión en el brazo derecho.

Voces que no parecían pertenecer a las caras suspendidas sobre él, lo alentaban con bromas y seguridades.

Su único alivio fue oír la confirmación de que había estado en su derecho al cruzar la esquina.

Preguntó por la mujer, tratando de dominar la náusea que le ganaba la garganta.

Mientras lo llevaban boca arriba a una farmacia próxima, supo que la causante del accidente no tenía más que rasguños en las pinas.

"Usé la agarró apenas, pero el golpe le hizo saltar la máquina de costado."

Opiniones, recuerdos, despacio, éntrenlo de espaldas, así va bien, y alguien con guardapolvo

мужчин вытаскивали его из-под мотоцикла.

На губах был соленый вкус крови, ныло колено; когда его подняли, он закричал - не мог вынести давящей тяжести в правой руке.

До него донеслись голоса - шутки, слова ободрения, - но голоса эти словно не имели ничего общего со склонившимися над ним лицами.

Его обрадовало лишь замечание, что, заворачивая за угол, он держался правой стороны.

Стараясь подавить приступ тошноты, которая подкатила к горлу, он спросил о женщине.

По дороге к ближайшей аптеке, куда его понесли в той же позе, в какой подняли - на спине, лицом кверху, он узнал, что виновница катастрофы отделалась царапинами на ногах.

"Вы ее только слегка задели, но от удара машина опрокинулась..."

Споры очевидцев, описание подробностей, тихо, тихо, развернитесь в дверях, вот так, хорошо, и

dándole a beber un trago que lo alivió en la penumbra de una pequeña farmacia de barrio.

La ambulancia policial llegó a los cinco minutos, y lo subieron a una camilla blanda donde pudo tenderse a gusto.

Con toda lucidez, pero sabiendo que estaba bajo los efectos de un shock terrible, dio sus señas al policía que lo acompañaba.

El brazo casi no le dolía; de una cortadura en la ceja goteaba sangre por toda la cara.

Una o dos veces se lamió los labios para beberla.

Se sentía bien, era un accidente, mala suerte; unas semanas quieto y nada más.

El vigilante le dijo que la motocicleta no parecía muy estropeada.

"Natural", dijo él. "Como que me la ligué encima..."

Los dos se rieron, y el vigilante le dio la mano al

кто-то в халате дает ему питье, от которого он чувствует себя бодрее в полутьме маленькой аптеки.

Полицейская скорая помощь прибыла через пять минут, и его переложили на матерчатые носилки, где можно было устроиться поудобнее.

Четко и ясно, однако сознавая, что находится в состоянии сильного шока, он назвал сопровождавшему его полицейскому свой адрес.

Рука почти не болела; из рассеченной брови сочилась и растекалась по всему лицу кровь.

Раз или два он слизнул ее с губ.

Он чувствовал себя сносно, что ж - несчастный случай, не повезло; неделя-другая в постели - и все.

Полицейский сказал, что мотоцикл, кажется, не слишком пострадал.

"Еще бы, - заметил он, - я его прикрыл собою..."

Оба засмеялись, полицейский протянул ему руку на прощание, когда они прибыли в больницу, и

llegar al hospital y le deseó buena suerte.

Ya la náusea volvía poco a poco; mientras lo llevaban en una camilla de ruedas hasta un pabellón del fondo, pasando bajo árboles llenos de pájaros, cerró los ojos y deseó estar dormido o cloroformado.

Pero lo tuvieron largo rato en una pieza con olor a hospital, llenando una ficha, quitándole la ropa y vistiéndolo con una camisa grisácea y dura.

Le movían cuidadosamente el brazo, sin que le doliera.

Las enfermeras bromeaban todo el tiempo, y si no hubiera sido por las contracciones del estómago se habría sentido muy bien, casi contento.

Lo llevaron a la sala de radio, y veinte minutos después, con la placa todavía húmeda puesta sobre el pecho como una lápida negra, pasó a la sala de operaciones.

Alguien de blanco, alto y delgado, se le acercó y se puso a mirar la radiografía.

пожелал ему удачи.

Тошнота понемногу возвращалась; когда его на каталке везли в корпус в глубь двора мимо деревьев с птицами на ветвях, он закрыл глаза, и ему захотелось уснуть или получить наркоз.

Но его долго продержали в какой-то комнате, где пахло больницей, - заполняли карточки, сняли одежду и надели жесткое сероватое белье.

С рукой обращались бережно, и ему не было больно.

Сестры все время шутили, и, если бы не спазмы в желудке, он чувствовал бы себя очень хорошо, был бы почти доволен.

Его отвезли в рентгеновский кабинет, минут через двадцать, словно черную плиту, положили на грудь еще мокрую пленку и перевезли в операционную.

К каталке подошел высокий сухощавый человек, весь в белом, и принялся разглядывать снимок.

Manos de mujer le acomodaban la cabeza, sintió que lo pasaban de una camilla a otra.

El hombre de blanco se le acercó otra vez, sonriendo, con algo que le brillaba en la mano derecha.

Le palmeó una mejilla e hizo una seña a alguien parado atrás.

Como sueño era curioso porque estaba lleno de olores y él nunca soñaba olores.

Primero un olor a pantano, ya que a la izquierda de la calzada empezaban las marismas, los tembladerales de donde no volvía nadie.

Pero el olor cesó, y en cambio vino una fragancia compuesta y oscura como la noche en que se movía huyendo de los aztecas.

Y todo era tan natural, tenía que huir de los aztecas que andaban a caza de hombre, y su única probabilidad era la de esconderse en lo más denso de la selva, cuidando de no apartarse de la estrecha calzada que sólo ellos, los motecas,

Женские руки поправили ему голову, он почувствовал, его перекладывают на другую каталку.

Снова подошел человек в белом - улыбаясь и держа в правой руке что-то блестящее.

Он похлопал его по щеке и сделал знак кому-то позади себя.

Это был странный сон, весь наполненный запахами, а ему никогда не снились запахи.

Сначала пахло болотом, так как слева от дороги сразу начиналась трясина, топь, из которой никому не удавалось выбраться.

Но запах болота исчез, и вместо него потянуло чем-то густым и темным, как ночь, в которую он уходил от преследования ацтеков.

И все было так просто, понятно, он должен был бежать от ацтеков, которые вышли на охоту, - то была охота на человека, и укрыться, спастись он мог только в дебрях первобытного леса, если не потеряет узкую тропу, известную только им,

conocían.

Lo que más lo torturaba era el olor, como si aun en la absoluta aceptación del sueño algo se rebelara contra eso que no era habitual, que hasta entonces no había participado del juego.

"Huele a guerra", pensó, tocando instintivamente el puñal de piedra atravesado en su ceñidor de lana tejida.

Un sonido inesperado lo hizo agacharse y quedar inmóvil, temblando.

Tener miedo no era extraño, en sus sueños abundaba el miedo.

Esperó, tapado por las ramas de un arbusto y la noche sin estrellas.

Muy lejos, probablemente del otro lado del gran lago, debían estar ardiendo fuegos de vivac; un resplandor rojizo teñía esa parte del cielo.

El sonido no se repitió.

мотекам.

Более всего его донимал запах, словно в абсолютном приятии сна что-то еще восставало против того непривычного, что до сих пор не участвовало в игре.

"Пахнет войной", - подумал он, инстинктивно хватаясь за каменный кинжал, засунутый за тканый шерстяной пояс.

Внезапный звук заставил его пригнуться и дрожа замереть на месте.

В самом этом страхе не было ничего удивительного, сны его всегда были наполнены страхом.

Он затаился, укрытый ветвистыми кустами и беззвездной ночью.

Вдалеке, может на противоположном берегу большого озера, горели, должно быть, огни бивака, красноватым светом светилось в той стороне небо.

Звук не повторился.

Había sido como una rama quebrada.

Tal vez un animal que escapaba como él del olor de la guerra.

Se enderezó despacio, venteando.

No se oía nada, pero el miedo seguía allí como el olor, ese incienso dulzón de la guerra florida.

Había que seguir, llegar al corazón de la selva evitando las ciénagas.

A tientas, agachándose a cada instante para tocar el suelo más duro de la calzada, dio algunos pasos.

Hubiera querido echar a correr, pero los tembladerales palpitaban a su lado.

En el sendero en tinieblas, buscó el rumbo.

Entonces sintió una bocanada horrible del olor que más temía, y saltó desesperado hacia adelante.

Наверное, хрустнула сломанная ветка.

Или животное бежало, как и он, от запаха войны.

Он медленно выпрямился, оглядываясь по сторонам.

Ничего не было слышно, но ни страх, ни тот запах - приторное благовоние священной войны - не оставляли его.

Нужно было двигаться дальше, добраться до самого сердца сельвы в обход трясины.

Наугад, то и дело приседая, чтобы нащупать утопанную землю тропы, он сделал несколько шагов.

Ему хотелось броситься бегом, но рядом дышала трясина.

На тропе впотьмах он пытался определить направление.

И вдруг почувствовал, как на него нахлынули волны запаха, которого он боялся больше всего, и в отчаянии прыгнул вперед.

- Se va a caer de la cama - dijo el enfermo de al lado.

- No brinque tanto, amigazo -.

Abrió los ojos y era de tarde, con el sol ya bajo en los ventanales de la larga sala.

Mientras trataba de sonreír a su vecino, se despegó casi físicamente de la última visión de la pesadilla.

El brazo, enyesado, colgaba de un aparato con pesas y poleas.

Sintió sed, como si hubiera estado corriendo kilómetros, pero no querían darle mucha agua, apenas para mojarse los labios y hacer un buche.

La fiebre lo iba ganando despacio y hubiera podido dormirse otra vez pero saboreaba el placer de quedarse despierto, entornados los ojos, escuchando el diálogo de los otros enfermos, respondiendo de cuando en cuando a alguna pregunta.

Vio llegar un carrito blanco que pusieron al lado

- Упадете с койки, - сказал сосед по палате.

- Не вскидывайтесь так, приятель.

Он открыл глаза - день кончался, и солнце стояло низко, едва заглядывая в окна большой палаты

Пытаясь улыбнуться соседу, он почти физически стряхнул с себя последние видения сна.

Рука, скованная гипсом, была подвешена в воздухе с помощью разных блоков и грузов.

Он ощутил жажду, словно пробежал не один километр, но ему не хотели давать много воды, разрешили только смочить губы и сделать один глоток.

Жар понемногу охватывал его, и он мог бы уснуть снова, но смаковал удовольствие бодрствовать, ворочать глазами, прислушиваться к разговору соседей, иногда отвечать на вопросы.

Он увидел, как к его койке подвезли белую

de su cama, una enfermera rubia le frotó con alcohol la cara anterior del muslo y le clavó una gruesa aguja con un tubo que subía hasta un frasco de líquido opalino.

Un médico joven vino con un aparato de metal y cuero que le ajustó al brazo sano para verificar alguna cosa.

Caía la noche, y la fiebre lo iba arrastrando blandamente a un estado donde las cosas tenían un relieve como de gemelos de teatro, eran reales y dulces y a la vez ligeramente repugnantes; como estar viendo una película aburrida y pensar que sin embargo en la calle es peor; y quedarse.

Vino una taza de maravilloso caldo de oro oliendo a puerro, a apio, a perejil.

Un trocito de pan, más precioso que todo un banquete, se fue desmigajando poco a poco.

El brazo no le dolía nada y solamente en la ceja, donde lo habían suturado, chirriaba a veces una punzada caliente y rápida.

Cuando los ventanales de enfrente viraron a

тележку, светловолосая сестра протерла ему спиртом бедро и ввела толстую иглу, соединенную трубкой с сосудом, наполненным желтоватой жидкостью.

Пришел молоденький врач, принес аппарат из кожи и металла, приладил его к здоровой руке и стал что-то измерять.

Надвигалась ночь, и жар постепенно, исподволь приводил его в то состояние, в котором все вещи видятся, словно в театральный бинокль, они подлинны и приятны и в то же время слегка внушают отвращение; так бывает, когда смотришь скучный фильм: подумаешь, что на улице еще хуже, и останешься.

Принесли чашку чудесного золотистого бульона, пахнувшего луком, чесноком, петрушкой.

Кусочек хлеба, более желанный, чем целый праздничный стол, понемножку растаял.

Рука не болела совсем, и только из зашитой брови иногда вытекала горячая и быстрая струйка.

Когда окна напротив его койки засветились

manchas de un azul oscuro, pensó que no le iba a ser difícil dormirse.

Un poco incómodo, de espaldas, pero al pasarse la lengua por los labios reseco y calientes sintió el sabor del caldo, y suspiró de felicidad, abandonándose.

Primero fue una confusión, un atraer hacia sí todas las sensaciones por un instante embotadas o confundidas.

Comprendía que estaba corriendo en plena oscuridad, aunque arriba el cielo cruzado de copas de árboles era menos negro que el resto.

"La calzada", pensó. "Me salí de la calzada."

Sus pies se hundían en un colchón de hojas y barro, y ya no podía dar un paso sin que las ramas de los arbustos le azotaran el torso y las piernas.

Jadeante, sabiéndose acorralado a pesar de la oscuridad y el silencio, se agachó para escuchar.

Tal vez la calzada estaba cerca, con la primera luz del día iba a verla otra vez.

глубокой синевой, он подумал, что заснуть будет нетрудно.

Несколько неловко, на спине, но проведя языком по пересохшим горячим губам, он ощутил вкус бульона и, забываясь, вздохнул счастливо.

Вначале был хаос, в котором все ощущения, на миг притупившиеся или спутанные, вновь вернулись к нему.

Он понимал, что бежит в кромешной тьме, хотя небо наверху, исчерченное ветвями деревьев, было чуть светлее общей черноты.

"Тропа, - подумал он, - я сбился с тропы".

Ноги его погружались в толстый ковер листьев и грязи, теперь он не мог и шагу ступить, чтобы ветви не секли его по ногам и по телу.

Тяжело дыша, чувствуя, что загнан, хотя кругом было темно и тихо, он присел и прислушался.

Может быть, тропа проходит совсем рядом, и на заре он ее снова увидит.

Nada podía ayudarlo ahora a encontrarla.

La mano que sin saberlo él aferraba el mango del puñal, subió como el escorpión de los pantanos hasta su cuello, donde colgaba el amuleto protector.

Moviendo apenas los labios musitó la plegaria del maíz que trae las lunas felices, y la súplica a la Muy Alta, a la dispensadora de los bienes motecas.

Pero sentía al mismo tiempo que los tobillos se le estaban hundiendo despacio en el barro, la espera en la oscuridad del chaparral desconocido se le hacía insoportable.

La guerra florida había empezado con la luna y llevaba ya tres días y tres noches.

Si conseguía refugiarse en lo profundo de la selva, abandonando la calzada más allá de la región de las ciénagas, quizás los guerreros no le siguieran el rastro.

Pensó en los muchos prisioneros que ya habían hecho, pero la cantidad no contaba, sino el

Сейчас же ее не отыскать.

Рука, бессознательно сжимавшая рукоятку ножа, как болотный скорпион прокралась к шее, где висел спасительный амулет.

Еле шевеля губами, он пробормотал молитву о маисе, которая приносит счастливые луны, и мольбу верховной богине, ведающей у мотеков добром и злом.

Но вместе с тем он чувствовал, что ноги уже по щиколотку погрузились в грязь и погружаются все глубже, и это выжидание во тьме незнакомого леса делалось невыносимым.

Священная война началась в новолуние и длилась уже три ночи и три дня.

Если бы ему удалось укрыться в чаще, взяв в сторону от дороги и миновав трясину, может быть, воины и не напали бы на его след.

Он подумал, как много, наверное, у них уже пленных. Однако не в числе суть, важно уложиться в священные сроки, назначенные

tiempo sagrado.

La caza continuaría hasta que los sacerdotes dieran la señal del regreso.

tenía su número y su fin, y él estaba dentro del tiempo sagrado, del otro lado de los cazadores.

Olió los gritos y se enderezó de un salto, puñal en mano.

Como si el cielo se incendiara en el horizonte, vio antorchas moviéndose entre las ramas, muy cerca.

El olor a guerra era insoportable, y cuando el primer enemigo le saltó al cuello casi sintió placer en hundirle la hoja de piedra en pleno pecho.

Ya lo rodeaban las luces, los gritos alegres.

Alcanzó a cortar el aire una o dos veces, y entonces una soga lo atrapó desde atrás.

- Es la fiebre - dijo el de la cama de al lado - A mí

богами для войны.

Преследование будет продолжаться, пока жрецы не подадут знак к возвращению.

Все имеет свой порядок и свой конец, а его священное время войны застигло на вражеской стороне.

Он услышал крики и разом вскочил, сжав в руке кинжал.

Словно зарево пожара на горизонте, увидел он совсем поблизости пламя факелов, трепетавшее между ветвей.

Потянуло войной, вынести этот запах было невозможно, и когда первый враг прыгнул ему на плечи, он почти с восторгом всадил ему каменное лезвие в самую середину груди.

Со всех сторон его окружали огни, звучали торжествующие голоса.

Ему удалось два или три раза пронзительно крикнуть, и тут же веревка отдернула его назад.

- Это все жар, - произнес мужчина на соседней койке. - Со мной было точь-в-точь так же, когда

me pasaba igual cuando me operé del duodeno.

Tome agua y va a ver que duerme bien -.

Al lado de la noche de donde volvía, la penumbra tibia de la sala le pareció deliciosa.

Una lámpara violeta velaba en lo alto de la pared del fondo como un ojo protector.

Se oía toser, respirar fuerte, a veces un diálogo en voz baja.

Todo era grato y seguro, sin ese acoso, sin...

Pero no quería seguir pensando en la pesadilla.

Había tantas cosas en qué entretenerse.

Se puso a mirar el yeso del brazo, las poleas que tan cómodamente se lo sostenían en el aire.

Le habían puesto una botella de agua mineral en

мне двенадцатиперстную кишку резали.

Выпейте водички, авось уснете получше.

По сравнению с ночью, из которой он возвращался, теплый полумрак палаты показался ему необыкновенно приятным.

Фиолетовый огонек лампы горел высоко у задней стены, как недреманное око.

С разных сторон доносилось шумное дыхание, иногда тихий, приглушенный разговор.

Все было исполнено доброты, благожелательности, спокойной уверенности, - без этого отчаянного бега, без...

Нет, нет, он не хотел углубляться в мысли о кошмаре.

Можно было думать о стольких вещах.

Он принялся разглядывать гипс, блоки, при помощи которых рука была так удобно подвешена в воздухе.

На ночной столик ему поставили бутылку

la mesa de noche.

Bebió del gollete, golosamente.

Distinguía ahora las formas de la sala, las treinta camas, los armarios con vitrinas.

Ya no debía tener tanta fiebre, sentía fresca la cara.

La ceja le dolía apenas, como un recuerdo.

Se vio otra vez saliendo del hotel, sacando la moto.

Quién hubiera pensado que la cosa iba a acabar así?

Trataba de fijar el momento del accidente, y le dio rabia advertir que había ahí como un hueco, un vacío que no alcanzaba a rellenar.

Entre el choque y el momento en que lo habían levantado del suelo, un desmayo o lo que fuera no le dejaba ver nada.

Y al mismo tiempo tenía la sensación de que ese

минеральной воды.

Он с наслаждением отпил прямо из горлышка.

Теперь он различал очертания палаты, тридцать коек, застекленные шкафы.

Должно быть, жар несколько спал, лицо уже не пылало.

Бровь болела слабо, это была даже не боль, а воспоминание о боли.

Он вновь представил себе, как выходит из гостиницы, выводит мотоцикл.

Кто бы мог подумать, что все так кончится?

Он пытался вспомнить самый момент катастрофы и с бессильной яростью установил, что на этом месте была будто пропасть, пустота, которую ему не удавалось заполнить.

Между ударом и тем моментом, когда его подняли с земли, беспмятство или то, что это было, застилало ему глаза.

И в то же время им владело такое чувство, точно

hueco, esa nada, había durado una eternidad.

No, ni siquiera tiempo, más bien como si en ese hueco él hubiera pasado a través de algo o recorrido distancias inmensas.

El choque, el golpe brutal contra el pavimento.

De todas maneras al salir del pozo negro había sentido casi un alivio mientras los hombres lo alzaban del suelo.

Con el dolor del brazo roto, la sangre de la ceja partida, la contusión en la rodilla; con todo eso, un alivio al volver al día y sentirse sostenido y auxiliado.

Y era raro.

Le preguntaría alguna vez al médico de la oficina.

Ahora volvía a ganarlo el sueño, a tirarlo despacio hacia abajo.

La almohada era tan blanda, y en su garganta afiebrada la frescura del agua mineral.

эта пропасть, это ничто длилось целую вечность.

Нет, даже не длилось, а будто в этой пропасти он прошел через что-то или преодолел необъятное пространство.

Столкновение, сильный удар о мостовую.

Так или иначе, вынырнув из черного колодца, он ощутил даже какую-то радость, пока мужчины подымали его с земли.

Несмотря на боль в сломанной руке, на кровь, сочившуюся из рассеченной брови, на ушибленную коленку; несмотря на все это - радость возвращения к дневному свету, радость сознания, что тебя поддерживают, тебе помогают.

Просто невероятно.

Он как-нибудь спросит об этом у врача в лаборатории.

Теперь сон вновь одолевал его, вновь тянул назад.

Подушка была такая мягкая, а разгоряченное горло остужала свежесть минеральной воды.

Quizá pudiera descansar de veras, sin las malditas pesadillas.

La luz violeta de la lámpara en lo alto se iba apagando poco a poco.

Como dormía de espaldas, no lo sorprendió la posición en que volvía a reconocerse, pero en cambio el olor a humedad, a piedra rezumante de filtraciones, le cerró la garganta y lo obligó a comprender.

Inútil abrir los ojos y mirar en todas direcciones; lo envolvía una oscuridad absoluta.

Quiso enderezarse y sintió las sogas en las muñecas y los tobillos.

Estaba estaqueado en el suelo, en un piso de lajas helado y húmedo.

El frío le ganaba la espalda desnuda, las piernas.

Con el mentón buscó torpemente el contacto con su amuleto, y supo que se lo habían arrancado.

Ahora estaba perdido, ninguna plegaria podía salvarlo del final.

Может быть, ему удастся отдохнуть по-настоящему, без этих ужасных кошмаров.

Фиолетовый свет под потолком медленно тускнел.

Поскольку он спал на спине, лицом кверху, он не удивился, когда, придя в себя, обнаружил, что лежит навзничь; напротив, запах сырости, камня, влажного от испарений, заполнил ему горло и прояснил сознание.

Бесполезно открывать глаза и смотреть по сторонам: его окутывает непроницаемая тьма.

Он хотел подняться, но веревки врезались в запястья и щиколотки.

Он был привязан к земле, к ледяным, влажным каменным плитам.

Холод пронизывал его обнаженную спину, ноги.

Подбородком он попытался неловко нащупать на груди амулет и понял, что его сорвали.

Теперь он пропал, никакие молитвы уже не могли его спасти от конца.

Lejanamente, como filtrándose entre las piedras del calabozo, oyó los atabales de la fiesta.

Lo habían traído al teocalli, estaba en las mazmorras del templo a la espera de su turno.

Oyó gritar, un grito ronco que rebotaba en las paredes.

Otro grito, acabando en un quejido.

Era él que gritaba en las tinieblas, gritaba porque estaba vivo, todo su cuerpo se defendía con el grito de lo que iba a venir, del final inevitable.

Pensó en sus compañeros que llenarían otras mazmorras, y en los que ascendían ya los peldaños del sacrificio.

Gritó de nuevo sofocadamente, casi no podía abrir la boca, tenía las mandíbulas agarrotadas y a la vez como si fueran de goma y se abrieran lentamente, con un esfuerzo interminable.

El chirriar de los cerrojos lo sacudió como un

Издалека, словно просочившись сквозь стены темницы, до него донесся гул праздничных барабанов.

Его притащили в святилище, в каземате храма он дожидался своего часа.

Ушей его достиг крик, хриплый крик, отдававшийся в стенах.

И снова крик, перешедший в стон.

Это он сам кричал в темноте, кричал потому, что был жив, все его тело криком защищалось от того, что должно было произойти, от неизбежного конца.

Он подумал о своих соплеменниках, сидящих в соседних темницах, и о тех, кто всходит уже по ступеням жертвенных алтарей.

Он снова закричал, глухо, с невероятным трудом, ему почти не удалось раскрыть рта, челюсти свело, и в то же время они были словно резиновые и открывались медленно, бесконечно медленно.

Скрип замков сотрясал его его, словно удары

látigo.

Convulso, retorciéndose, luchó por zafarse de las cuerdas que se le hundían en la carne.

Su brazo derecho, el más fuerte, tiraba hasta que el dolor se hizo intolerable y tuvo que ceder.

Vio abrirse la doble puerta, y el olor de las antorchas le llegó antes que la luz.

Apenas ceñidos con el taparrabos de la ceremonia, los acólitos de los sacerdotes se le acercaron mirándolo con desprecio.

Las luces se reflejaban en los torsos sudados, en el pelo negro lleno de plumas.

Cedieron las sogas y en su lugar lo aferraron manos calientes duras como bronce; se sintió alzado, siempre boca arriba, tironeado por los cuatro acólitos que lo llevaban por el pasadizo.

хлыста.

Судорожно извиваясь, он невероятным усилием попытался освободиться от врезавшихся в тело веревок.

Правая, более сильная, рука так напряглась, что боль сделалась невыносимой, и он вынужден был оставить свои попытки.

На его глазах открылась двойная дверь, и запах гари от зажженных факелов дошел до него раньше, чем свет.

Не спуская со своей жертвы презирающих глаз, подошли прислужники храма в одних только набедренных повязках.

Блики пламени играли на их лоснящихся от пота телах, на смоляных волосах, богато украшенных перьями.

Веревки ослабли, но вместо них его стиснули твердые, точно бронза, руки; он почувствовал, как его поднимают, по-прежнему лежащего навзничь, и четверо прислужников несут его по каменному коридору.

Los portadores de antorchas iban adelante, alumbrando vagamente el corredor de paredes mojadas y techo tan bajo que los acólitos debían agachar la cabeza.

Ahora lo llevaban, lo llevaban, era el final.

Boca arriba, a un metro del techo de roca viva que por momentos se iluminaba con un reflejo de antorcha.

Cuando en vez de techo nacieran las estrellas y se alzara frente a él la escalinata incendiada de gritos y danzas, sería el fin.

El pasadizo no acababa nunca, pero ya iba a acabar, de repente olería el aire lleno de estrellas, pero todavía no, andaban llevándolo sin fin en la penumbra roja, tironeándolo brutalmente, y él no quería, pero cómo impedirlo si le habían arrancado el amuleto que era su verdadero corazón, el centro de la vida.

Salió de un brinco a la noche del hospital, al alto cielo raso dulce, a la sombra blanda que lo rodeaba.

Факельщики шли впереди, слабо освещая проход между сырыми стенами и потолок, такой низкий, что прислужникам приходилось наклонять голову.

Теперь его несли, несли, и это был конец.

На спине, лицом кверху, в каком-нибудь метре от потолка из неотесанных каменных глыб, по временам озаряемых пламенем факелов.

Когда вместо потолка над головой покажутся звезды и перед ним в шуме криков и танцев возникнет ступенчатая пирамида, это будет конец.

Коридор все никак не кончался, но скоро он окончится, и тогда вдруг пахнет свежим ветром, полным звезд, но пока этого все еще не было, они все несли и несли его в багровом сумраке, грубо толкая и дергая, а он извивался, но что он мог поделать, если они сорвали с него амулет, - его настоящее сердце, средоточие жизни.

Внезапный рывок вернул его в больничную ночь под уютный потолок, в уютно обволакивающие сумерки.

Pensó que debía haber gritado, pero sus vecinos dormían callados.

En la mesa de noche, la botella de agua tenía algo de burbuja, de imagen traslúcida contra la sombra azulada de los ventanales.

Jadeó, buscando el alivio de los pulmones, el olvido de esas imágenes que seguían pegadas a sus párpados.

Cada vez que cerraba los ojos las veía formarse instantáneamente, y se enderezaba aterrado pero gozando a la vez del saber que ahora estaba despierto, que la vigilia lo protegía, que pronto iba a amanecer, con el buen sueño profundo que se tiene a esa hora, sin imágenes, sin nada...

Le costaba mantener los ojos abiertos, la modorra era más fuerte que él.

Hizo un último esfuerzo, con la mano sana esbozó un gesto hacia la botella de agua; no llegó a tomarla, sus dedos se cerraron en un vacío otra vez negro, y el pasadizo seguía interminable, roca tras roca, con súbitas fulguraciones rojizas,

Он подумал, что, должно быть, кричал, но его соседи мирно спали.

Бутылка с водой на ночном столике напоминала каплю, нечто светящееся и прозрачное на синеватом фоне темных окон.

Он тяжело задышал, стараясь набрать в легкие побольше воздуха, забыть видения и образы, еще не слетевшие с его век.

Стоило ему закрыть глаза, они тут же оживали вновь, и он вскидывался, охваченный ужасом, но иногда при этом наслаждаясь сознанием, что проснулся и бодрствует, что его охраняет сиделка, что скоро рассвет и он уснет глубоким, крепким сном, каким спят под утро, без видений, без ничего...

Ему нелегко было не закрывать глаз, сон оказался сильнее его.

Он сделал последнее усилие, протянул здоровую руку к бутылке с водой; взять ее ему не удалось, пальцы сомкнулись в пустоте, снова беспросветно черной, и коридор был все так же бесконечен, каменные глыбы сменяли одна другую, багровые

y él boca arriba gimió apagadamente porque el techo iba a acabarse, subía, abriéndose como una boca de sombra y los acólitos se enderezaban y de la altura una luna menguante le cayó en la cara donde los ojos no querían verla, desesperadamente se cerraban y se abrían buscando pasar al otro lado, descubrir de nuevo el cielo raso protector de la sala.

Y cada vez que se abrían era la noche y la luna mientras lo subían por la escalinata, ahora con la cabeza colgando hacia abajo, y en lo alto estaban las hogueras, las rojas columnas de humo perfumado, y de golpe vio la piedra roja, brillante de sangre que chorreaba, y el vaivén de los pies del sacrificado que arrastraban para tirarlo rodando por las escalinatas del norte.

Con una última esperanza apretó los párpados, gimiendo por despertar.

Durante un segundo creyó que lo lograría, porque otra vez estaba inmóvil en la cama, a

вспышки внезапно освещали проход, а он, лежа на плечах носильщиков лицом кверху, глухо простонал, потому что потолок вот-вот должен был кончиться, он стал выше, разверзлась зияющая мраком пасть, носильщики выпрямились, и с высоты ущербная луна упала ему на лицо, но глаза его не хотели ее видеть, они в отчаянии закрывались и открывались снова, стараясь посмотреть в другую сторону, увидеть спасительный потолок палаты.

И каждый раз, когда они открывались, стояла ночь и светила луна, а его несли по лестнице, только голова его теперь свешивалась вниз, и наверху горели костры, поднимались к небу багровые столбы ароматного дыма, и внезапно он увидел камень, сверкающий от струившейся по нему крови, и болтающиеся ноги жертвы, которую тащили наверх, чтобы сбросить со ступеней северной лестницы.

В последней надежде он стиснул веки, пытаясь со стоном пробудиться.

Секунду ему казалось, что он вот-вот проснется, потому что он снова неподвижно лежал в постели, хотя и чувствовал, как болтается все его тело и

salvo del balanceo cabeza abajo.

Pero olía la muerte, y cuando abrió los ojos vio la figura ensangrentada del sacrificador que venía hacia él con el cuchillo de piedra en la mano.

Alcanzó a cerrar otra vez los párpados, aunque ahora sabía que no iba a despertarse, que estaba despierto, que el sueño maravilloso había sido el otro, absurdo como todos los sueños; un sueño en el que había andado por extrañas avenidas de una ciudad asombrosa, con luces verdes y rojas que ardían sin llama ni humo, con un enorme insecto de metal que zumbaba bajo sus piernas.

En la mentira de ese sueño también lo habían alzado del suelo, también alguien se le había acercado con un cuchillo en la mano, a él tendido boca arriba, a él boca arriba con los ojos cerrados entre las hogueras.

свесившаяся вниз голова.

Но пахло смертью, и, открыв глаза, он увидел окровавленную фигуру жреца, готового приступить к жертвоприношению: жрец двигался к нему с каменным ножом в руке.

Ему вновь удалось закрыть глаза, но теперь он уже знал, что не проснется, что он уже не спит и что чудесный сон был тот, другой, нелепый, как все сны; сон, в котором он мчался по диковинным дорогам удивительного города, навстречу ему попадались зеленые и красные огни, не дававшие ни пламени, ни дыма, и огромное металлическое насекомое жужжало под ним.

В бесконечной лжи того сна его тоже подняли с земли, и кто-то с ножом в руке приблизился к нему, лежавшему с закрытыми глазами навзничь, лицом кверху, среди костров.